

«Дорогая жена Даша и милые детки! Сообщаю вам, что я пока жив и здоров, нахожусь в горячих боях на самых передовых позициях... Даша, пиши, как дело обстоит с сенокосом, где косили и сколько. Даша, верю, вам очень приходится тяжело, что же, милая, поделись. Но это будет последним летом, вот скоро враг будет добит, и с победой вернусь домой...».

Письма с фронта... Небольшие листочки, исписанные карандашом. Самые бесценные, самые человеческие документы из того далекого, героического прошлого, когда жизнью и смертью проверялась верность советской Родине. Человека, писавшего эти строки в августе сорок четвертого, нет в живых. В этом же году, в ноябре, он погиб.

Письма с фронта... Почтальон приносил их сюда, в этот дом, что стоит на улице Республиканской под № 58. Дом этот построил сам хозяин, Павел Михайлович Пиженков. Здесь он и оставил летом сорок первого свою жену Дарью Васильевну и ребятишек Колю, Тосю, Люсю и двухлетнего Толеньку. «Милая моя, береги детей!», — сказал он, прощаясь с женой.

— Детей-то он шибко любил. Обо мне заботился, берег.

Вытерла слезы Дарья Васильевна, задумалась, улыбнулась.

— Хорошо мы жили.

В Красноуральск Пиженковы перебрались к родственникам. Здесь строился медзавод. Павел Михайлович на стройке порабатал, а потом перешел в лес-промхоз. Сохранилась старая фотография ударной бригады из столярки, членом которой был Пиженков. Сейчас она в музее медеплавильного комбината. По-

том Павел Михайлович работал техникумом. Двоих старшеньких привезли на новое место супруги, потом еще дочка да сын родились. Порешили поставить свой дом. И зажила семья. Богатства особого не было, а счастья — полон дом. Мечтали: вот подрастут дети, все выучатся... Самым большим желанием отца было дать детям образование.

«Здравствуй, милая моя до-

ли победы, ждали, когда вернется отец. А он не вернулся.

Одно за другим пришли в дом Пиженковых три письма от фронтовых друзей Павла Михайловича.

«Здравствуй, Дарья Васильевна! Я — Пергаев Андрей, командир подразделения, где находился на службе ваш муж... В 12 часов дня 5 ноября 1944 года, выполняя вместе со мной боевую задачу, он героически

их, чтобы знали, как сражался за освобождение Родины и как погиб их отец.

Горе-горем, а надо было жить дальше. И решила Дарья Васильевна, чего бы это ни стоило, дать детям возможность учиться, как хотел погибший муж. Первым уехал из дому старший Николай. Когда он институт закончил, был в семье первый праздник. Потом еще три. Стали сыновья Пиженко-

бы они учились, как муж твой...»

Под восемьдесят сейчас Дарья Васильевна. Живет все в том же доме. Давно могла переехать в кому-либо из детей в благоустроенную квартиру. Да все не соглашается. Почему?

— Пока на ногах, никуда не поеду. Это родной дом детей наших, внуков. Где бы они ни были, пусть сюда приезжают. А Сережа с Павлушкой как суббота — у меня. Восемь внуков у нас с Пашей, вот радость. Сноха как дочь мне, внук старшенький институт закончил, правнук уже растет. В гости-то я езжу. У Люси бывала. В Железноводске у Толи месяц жила. Сколько же людей туда приезжают отдыхать! И какие все нарядные, веселые. Хорошо жить стали. Муж все писал, что вот вернусь домой, все солдаты вернутся, жизнь-то и наладится, а там все тяжелое помаленьку забудем. Да вот не вернулся. Многие в чужой земле лежат.

У Дарьи Васильевны сейчас одна думка — съездить на могилу к мужу. Помогли ее разыскать ребята из КИДа «Параллели». Пионеры из Латвии прислали фотографию братской могилы.

— Только бы не расхвораться. А если сама не смогу, так дети с внуками съедят, поклонятся отцу и всем его товарищам.

... Сколько их, не вернувшихся в родной дом с тяжелых дорог войны. Подвиг каждого горит вечным огнем любви к Родине. И разве не тот же огонь да светлая память о муже помогли Дарье Васильевне совершить подвиг? Материнский подвиг.

Г. КОРКУНОВА.

МАТЕРИНСКАЯ ВЕРНОСТЬ

чурка Тосенька! Сегодня на наблюдательный пункт пришла ты меня навестить, в эти проклятые болота... И мне стало намного веселее, что моя милая дочурка не забыла своего папу... Тосенька, я очень доволен, что ты учишься хорошо и желаю дальнейших успехов в учебе. А я постараюсь здесь на фронте с еще большей ненавистью бить врага, чтоб скорее закончить войну и вернуться к вам, мои милые детки. За мои боевые подвиги меня также отметили. Вчера я получил правительственную награду — медаль «За отвагу»...

Май сорок четвертого. До Победы еще целый год.

— Так мы с ним больше и не увиделись, — тяжело вздохнула Дарья Васильевна. — В марте сорок третьего ранило его в ногу, в госпитале лежал и опять на фронт. А я все с детьми. Корову держала, огород садила, тем и жила. Работать много приходилось. И все жда-

погиб...».

... Они выдвинулись вперед и, устроив свой наблюдательный пункт в немецком блиндаже, корректировали по радио огонь своей артиллерии. Немцы заметили смельчаков, направив к блиндажу самоходное орудие. Фашист начал бить по блиндажу прямой наводкой. В минуту опасности радист Пиженков закрыл собой любимого командира. Позднее, когда войска наши продвинулись вперед, бойцы подразделения нашли в блиндаже двух погибших радистов и контуженного старшего лейтенанта Пергаева.

В письме сообщалось, что похоронили радистов на высоте у дороги. Тремя залпами отсалютовали артиллеристы погибшим героям.

Сберегла Дарья Васильевна письма незнакомых ей капитана Емеличева, старшего лейтенанта Пергаева, рядового Перминова. Сберегла для детей сво-

рых инженерами, дочери — педагогами. Антонина Павловна Коробейникова, которую в письме отец называл Тосенькой, работает в нашем городе, в средней школе № 2. Людмила Павловна живет в Москве. Младший Анатолий Павлович — на Кавказе, в Железноводске. Старшего сына Дарьи Васильевны нет в живых, еще одно горе пришлось ей пережить.

— Детками я довольна, уж не пообижусь. Росли понимающие, заботливые. Нарядов с меня не требовали. Во всем старались помочь и слушались. Не так что, только скажу: «Милые детки, сами знаете, что вы без папы...». И все, больше никаких слов не надо. Тяжело было, случалось и упрекали меня: не обязательное, дескать, всем высшее образование. А я согласна была корочкой хлеба обходиться, лишь